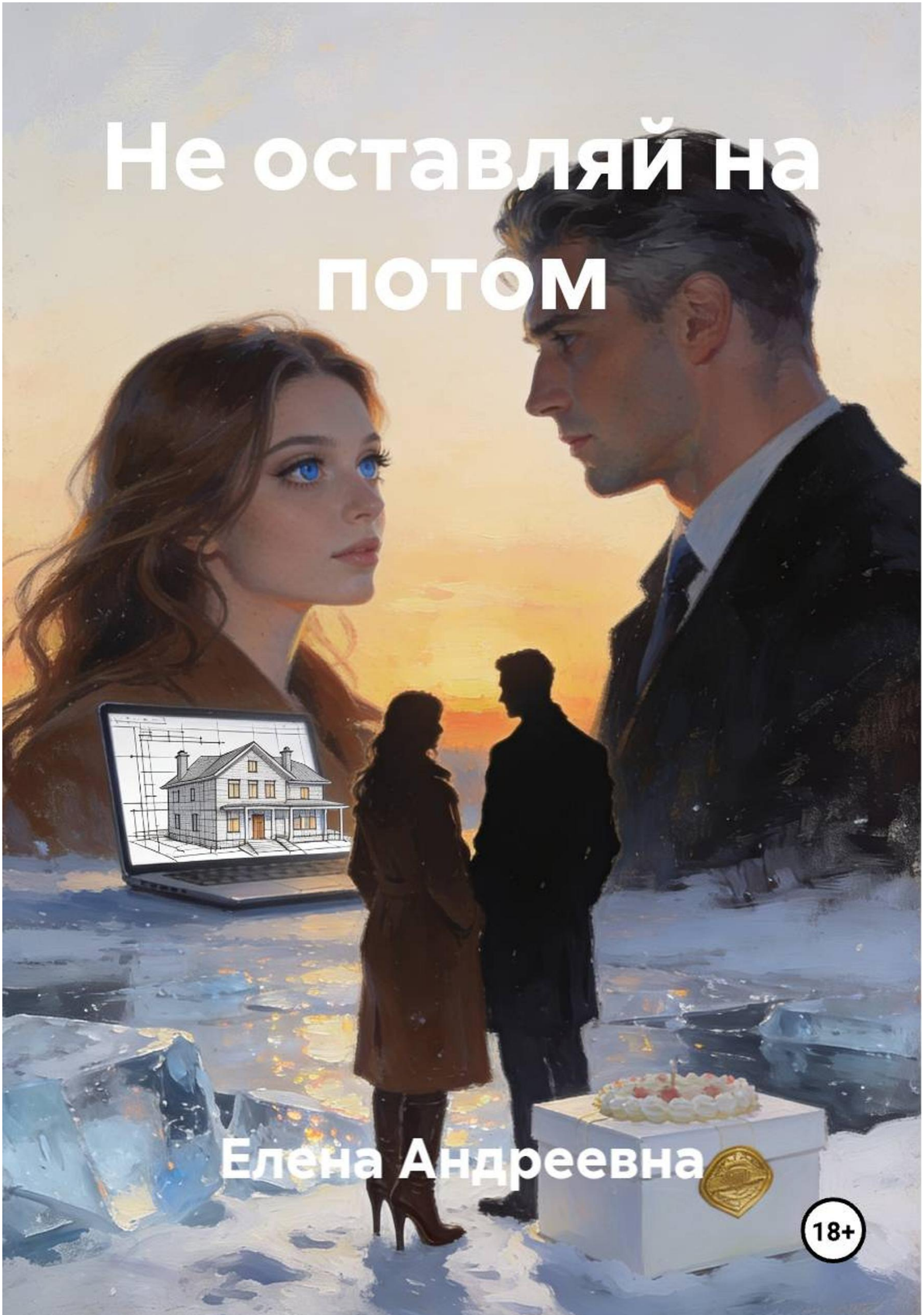
Не оставляй на потом

Елена Андреевна

18+

Елена Андреевна

Не оставляй на потом

«Автор»
2026

Андреевна Е.

Не оставляй на потом / Е. Андреевна — «Автор», 2026

Семь лет Лика училась улыбаться вовремя — мужу, гостям, себе в зеркале перед праздничным столом. Она дизайнер, работает дома, готовит день рождения мужа и уверена, что брак держится на привычке и правильно подобранном платье. Но на обледеневшей улице её подхватывает мужчина из прошлого, с которым однажды едва не случилось что-то настоящее, и привычная уверенность трескается быстрее льда под ногами.

© Андреевна Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 6
Глава 2. 13
Глава 3. 19
Глава 4. 25
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Елена Андреевна
Не оставляй на потом

Глава 1.

В салоне пахло лаком и чуть-чуть кофе, который мне принесли минут сорок назад и который давно остыл до состояния «уже невкусно, но выливать жалко». Я сидела в кресле, обмотанная чёрной накидкой, как мумия на пенсии, и смотрела на себя в зеркало с той особой тоской, с какой смотрят женщины, которых дома ждёт праздничный стол, гости и муж, у которого сегодня день рождения.

— Голову чуть вправо, — сказала мастер Оксана и подцепила прядь на круглую щётку.

Я повернула голову и поймала взглядом часы на стене. Без двадцати четыре. До семи оставалось ещё прилично, но у времени в день рождения Сергея была подлая привычка идти вприпрыжку. В семь придут гости, в половине восьмого кто-нибудь скажет тост про «ну, за успех предприятия», в девять мужчины уйдут на балкон курить и обсуждать подрядчиков, и мне останется только подливать и улыбаться. Я умела улыбаться. Семь лет практики.

Фен гудел ровно, тёплый воздух гулял по шее, и от этого в голове делалось то ватное, приятное состояние, когда мысли сами разбредаются куда хотят. Мои разбрелись далеко.

Главная аудитория архитектурного, вторая пара, какая-то общая лекция по истории искусств, на которую сгоняли сразу три потока. Батареи шпарили так, что окна запотевали изнутри, и кто-то на последнем ряду пальцем рисовал на стекле человечков. Я сидела в среднем ряду, конспектировала готику и была абсолютно уверена, что ничего интереснее в моей жизни сегодня не произойдёт.

И тут я подняла глаза.

Он сидел наискось, через проход, с параллельного факультета, в сером свитере с закатанными рукавами, и смотрел прямо на меня. Не украдкой, не мельком, а вот так — спокойно и в упор, как смотрят на фасад, который собираются чертить. Я по идее должна была отвернуться. Воспитанные девочки отворачиваются. Я досчитала до трёх и не отвернулась, и у меня в груди что-то коротко щёлкнуло, как выключатель в тёмной комнате. Щёлкнуло и зажглось.

Это была та самая искра, которую потом в книжках называют красиво, а на деле она ощущается как лёгкая паника и желание проверить, не растрепалась ли чёлка.

Его звали Алексей. Я узнала это на перемене, потому что он сам подошёл и сообщил, не дожидаясь вопроса.

— Алексей, — сказал он. — Можно Лёша. А ты Лика. Я уже выяснил, не пугайся, я не следил, просто у меня хорошие источники.

— Источники надёжные?

— Как несущая стена.

— Надо же, — сказала я. — Шутки за триста.

Он засмеялся так, будто я сказала что-то действительно остроумное, и пошёл провожать меня до аудитории, хотя его собственная была в другом крыле и он отлично это знал. Он был дерзкий на язык, но не хамоватый: разница тонкая, и я её чувствовала. Говорил негромко, не повышал голоса вообще никогда, а взгляд у него работал за троих. Пока мы шли по длинному коридору с запахом мела и мокрых курток, он успел сказать, что мой проект загородного дома он видел на кафедральной выставке, что крыльцо у меня зачётное, а вот с окнами я перемудрила, и что вообще синие глаза — это нечестный приём на защите.

Потом были ещё коридоры. Ещё лекции, на которых я ловила себя на том, что сижу боком, чтобы видеть проход. Один раз он притащил мне стакан горячего чая из буфета, потому что я болела; один раз держал мне папку с подрамниками, пока я воевала с замком на сумке. Ничего не было. Вот совсем ничего, ни одного прикосновения дольше секунды, ни одного слова, которое можно было бы потом предъявить в качестве доказательства.

А после защиты диплома он уехал.

Я узнала об этом в июле, случайно, от девочек с его потока, в очереди за справкой. «Лёшка? Так он же в Питер перебрался, ему там место дали». И всё. Ни звонка, ни «давай хоть кофе напоследок», ни даже глупого «увидимся». Искра не погасла с треском, она просто выдохлась, как уголёк, который никто не стал раздувать. Я помню, что шла тогда от университета пешком через весь центр, в босоножках, которые натирали, и говорила себе очень взрослые, очень правильные вещи: что ничего и не было, что обещаний он не давал, что обижаться не на что. Самое обидное в жизни как раз то, на что формально нельзя обидеться.

Сергей появился через месяц.

Он учился с Лёшей на одном факультете, был у них чуть ли не старостой и человеком основательным во всём: в тетрадях, в ботинках, в намерениях. Он позвонил и сказал, что у него есть два билета, и, если я откажусь, второй пропадёт зря, а он не выносит, когда что-то пропадает зря. Потом были цветы, аккуратные пять хризантем, потому что я однажды обмолвилась, что люблю, когда долго стоят. Потом звонки по вечерам, ровно в девять, как по расписанию, и я ловила себя на том, что к девяти уже кладу телефон поближе.

После неопределённости, после человека, который смотрел так, будто сейчас скажет что-то главное, и уехал, не сказав ни слова, надёжность оказалась невероятно вкусной. Сергей не играл в загадки. Сергей приезжал, чинил мне кран и спрашивал, поела ли я. Он не заставлял меня гадать. Я тогда думала, что это и есть любовь: когда не надо гадать.

Свадьбу сыграли в сентябре. Я была в простом платье без всякого шлейфа, потому что шлейф в нашей столовой было некуда девать, и моя подруга Лиля всю церемонию ревела в первом ряду, а потом сказала: «Если он тебя обидит, я приеду и сломаю ему кульман».

Семь лет. Они прошли так ровно, что иногда мне казалось, будто я их проспала в поезде. Квартира в девятиэтажке с большой кухней, которую я делала по своему вкусу: белые стены, светло-голубой гарнитур, овальный стол со стеклянной столешницей, за которым мы завтракали молча, каждый в своём телефоне. Я работала из дома, делала сайты, и мой рабочий день мог начаться в одиннадцать, а закончиться в два ночи, и никого это не трогало. Я научилась варить борщ, который Сергей хвалил, и перестала покупать себе платья, потому что куда их, собственно, носить.

Страсти там давно не было. Было тепло, как от батареи: не обжигает, но зимой без него никуда.

— Лика, вы меня слышите? — Оксана выключила фен, и в мире стало неприлично тихо. — Я говорю: лаком фиксируем или так оставим, помягче?

— Помягче, — сказала я. — Он любит, когда можно рукой провести.

— Ой, какие вы ещё молодые, — умилилась она и всё-таки брызнула лаком, потому что мастера всегда знают лучше.

Я посмотрела в зеркало.

Оттуда на меня смотрела шатенка с уложенными крупной волной волосами и большими синими глазами, из-за которых меня в школе дразнили «кукла», а на защите, как выяснилось, было нечестно. Выглядела я хорошо. Лучше, чем в последние месяцы, когда я ходила с пучком на макушке и в домашней кофте, прожжённой на рукаве паяльником для термопистолета.

И в груди у меня было странное.

Я сидела, прямая и красивая, и ловила себя на мысли, что сегодня должна быть красивой для мужа. Не хочу, не мне хочется, а именно должна — как будто это пункт в списке дел между «забрать торт» и «погладить его рубашку». Когда-то я наряжалась, потому что внутри всё звенело. Теперь я наряжалась, потому что у человека день рождения и придут гости.

Я усмехнулась своему отражению, и отражение усмехнулось в ответ, вполне дружелюбно.

Смешная ты, Лика. Тридцать лет, укладка за полторы тысячи, муж, который не пьёт лишнего и не забывает про годовщины. Чего тебе ещё надо? Искры? Так искры, подруга, это для тех, кто не боится обжечься, а ты у нас человек практичный.

— Ну всё, красавица, — сказала Оксана, снимая с меня накидку. — Мужу понравится.

— Обязательно, — ответила я и полезла в сумку за кошельком.

На улице уже синело, с крыш свисали сосульки, и я зачем-то задержалась в дверях на две лишние секунды, застёгивая пальто, будто мне некуда было спешить. Потом вспомнила про торт, который надо забрать до шести, подняла воротник и шагнула за порог.

* * *

До кондитерской было два квартала, и я прошла их бодро, как человек, у которого всё под контролем. Город к вечеру подмёрз: днём капало, а теперь всё, что натекло, схватилось стеклянной коркой, и тротуар блестел под фонарями ровно и нарядно, как будто кто-то специально залил каток для желающих сломать ногу.

В кондитерской пахло ванилью и растопленным шоколадом, и девушка за прилавком вынесла мне коробку обеими руками, торжественно, как младенца.

— Осторожно несите, — предупредила она. — Там шоколадный декор и крем, он у нас нежный.

— У меня всё в семье нежное, — сказала я. — Муж вот тоже.

Она засмеялась, я расплатилась, и коробка легла мне на ладони, широкая, неудобная, размером с хороший монитор. Нести её можно было только на вытянутых руках, слегка от себя, как будто я официантка в кино. Сумка висела на локте и била по бедру при каждом шаге. Телефон звякнул в кармане, и я даже не стала доставать: наверняка Сергей спрашивал, во сколько я буду, потому что гости приедут к семи, а он в пять ещё только выйдет с работы.

Я представила, как вхожу в квартиру, как ставлю коробку на стеклянный стол, как он целует меня в висок и говорит «ты сегодня прямо красавица», и мне стало тепло и чуточку тоскливо одновременно, как бывает, когда знаешь наперёд каждую реплику любимого фильма.

Вот с этой мыслью я и шагнула на спуск к перекрёстку.

Под ногой ничего не хрустнуло, не заскрипело, не предупредило. Просто мир вдруг поехал: сапог ушёл вперёд сам по себе, как будто ему надоело меня носить, второй попытался его догнать, и я совершенно отчётливо поняла, что падаю. Не покачнулась, не оступилась. Падаю.

В такие секунды почему-то думаешь не о себе. Я думала о торте. Руки сами выбросили коробку в сторону, подальше от предстоящей катастрофы, и краем глаза я увидела, как она отлетает, белая, с золотой наклейкой. Сердце ухнуло куда-то в пятки, в голове пронеслось холодное «торт», потом «укладка», потом совсем уже глупое «полторы тысячи».

А потом меня поймали.

Не придержали, не ухватили за рукав. Поймали. Одна рука жёстко легла поперёк спины, вторая подхватила под локоть, и моё падение остановилось в сантиметрах тридцати от ледяного асфальта, так резко, что у меня клацнули зубы. Я висела в чужих руках, как кукла, которую сняли с полки, и видела перед собой только серое драповое пальто и тёмный шарф.

— Торт, — сказала я этому пальто.

— Торт жив, — ответило пальто.

Меня поставили на ноги. Аккуратно, придержав, пока я нашла равновесие на этом проклятом стекле, и только тогда отпустили, и то не сразу, а словно проверяя, не поеду ли я снова. Коробка стояла на снежном бортике у фонарного столба, слегка кривовато, но целая. Он, оказывается, успел и её перехватить. Я понятия не имею, как человек делает две вещи сразу за полторы секунды.

Я подняла глаза, чтобы сказать спасибо.

И не сказала.

Серые глаза. Прямые тёмные брови, чуть сдвинутые, как будто он сам слегка не понимал, что происходит. Брюнет, коротко стриженный, с инеем на плечах. Лицо, которое я последний раз видела много лет назад в коридоре с запахом мела, кальки и чужого кофе из автомата.

— Лика? — удивился он.

И вот тут у меня внутри всё оборвалось во второй раз за минуту, только теперь без всякого льда.

Я стояла, вцепившись в рукав его пальто, и не могла отпустить, потому что пальцы меня не слушались. Горло сделалось сухим и узким. Я смотрела на него и думала какую-то совершенно бессвязную чепуху: что он стал шире в плечах, что у него появилась складка у рта, которой не было, что под распахнутым пальто виден галстук и воротник белой рубашки, и что классические костюмы ему всегда шли неприлично.

Он тоже молчал. Держал меня за локоть и молчал, и смотрел так, как смотрят на человека, которого не ждали увидеть ни сегодня, ни вообще.

От него пахло морозом, снегом и парфюмом, терпким, с чем-то древесным и горьковатым. Я почувствовала тепло его ладони сквозь рукав пальто, сквозь свитер, сквозь всё, и у меня предательски дёрнулось что-то под рёбрами, глупое и живое, как в двадцать лет на последнем ряду в поточной аудитории.

Семь секунд. Наверное, прошло всего семь секунд. Мимо, шурша, проехала машина, обдав нас сизым выхлопом, и этого хватило, чтобы я вспомнила, что надо дышать.

— Алексей, — выговорила я наконец.

— Он самый, — сказал он и чуть приподнял бровь. — А ты, как всегда, падаешь ровно там, где я прохожу. Я уж начал думать, что это у тебя такой способ знакомиться.

Господи. Та же интонация. Спокойная, негромкая, без тени смущения, и эта его манера сказать дерзость с совершенно ровным лицом, так что сначала даже не понимаешь, обижаться тебе или смеяться.

— Надо же, — сказала я. — Шутки за триста. И ты их столько лет хранил, не распаковывая?

— Берёг для особого случая, — он наконец отпустил мой локоть, и мне стало холодно в том месте, где была его рука. — Случай, по-моему, подходящий.

И мы засмеялись. Оба, одновременно, неловко, слишком громко для пустой улицы, тем смехом, которым смеются люди, у которых только что одинаково ёкнуло внутри и которые теперь срочно делают вид, что ничего не ёкнуло.

Он шагнул к фонарю и поднял коробку, повернул её к свету, осматривая с серьёзностью эксперта.

— Крен на правый борт, но держится, — доложил он. — Что внутри, если не секрет? Я должен знать, ради чего рисковал костюмом.

— Торт. Три яруса, шоколад, крем, который «у нас нежный».

— То есть я спас не тебя, а торт.

— Ты спас меня в комплекте с тортом, — сказала я и забрала коробку. — Хотя, судя по порядку действий, торт тебе дороже.

— Торт не умеет ходить по льду на каблуках, — сказал он. — У него не было шансов.

Он держал коробку снизу, пока я перехватывала её удобнее, и наши пальцы столкнулись, и я отдёрнула руку быстрее, чем следовало бы. Он заметил. Ничего не сказал, но заметил: я видела, как по его лицу прошло что-то быстрое, и он опустил взгляд на секунду, а потом снова посмотрел мне в глаза, уже без улыбки.

— Прекрасно выглядишь, — сказал он просто.

Жар пошёл у меня от шеи вверх, к щекам, настоящий, позорный, какой бывает только на морозе, когда его видно за километр. Я стояла посреди обледеневшего тротуара в своём лучшем пальто, с укладкой, которую мастер брызнула лаком вопреки моей просьбе, с коробкой торта в руках, и мне было двадцать, и это было отвратительно.

«Прекрати, Лика», сказала я себе. Это память. Просто старая память, которую хорошо законсервировали и сейчас открыли, и оттуда пахнуло. Ничего там нет живого. Тебе тридцать, ты семь лет варишь борщ, который хвалят.

Я перехватила коробку поудобнее, и фонарный свет упал на мою руку, на тонкий ободок обручального кольца. Я забыла надеть перчатки. Золото тускло блеснуло.

Я посмотрела на него, и Алексей тоже посмотрел на это кольцо.

Секунду. Ровно секунду, не дольше. Потом поднял глаза, и в них ничего не изменилось, совсем ничего, и именно поэтому мне стало так неуютно, как будто меня застали за чем-то неприличным.

— У тебя, я смотрю, торжество, — сказал он ровным голосом.

— День рождения, — ответила я, и собственный голос показался мне чужим, слишком высоким. — У мужа. Гости к семи

— Тогда не буду тебя задерживать, — сказал он и шагнул в сторону, освобождая дорогу.

А я почему-то не двинулась с места.

* * *

Он не ушёл. Шагнул в сторону, освободил дорогу, и остался стоять, и я стояла, и между нами хрустел под чьими-то шагами снег.

— У тебя весь левый бок в снегу, — сказал он вдруг. — Ты в курсе, что собираешься идти на праздник в виде сугроба?

— Я собиралась идти в виде женщины с тортом.

— Женщина с тортом и сугроб, — согласился он и, не спрашивая, протянул руку и стряхнул снег с моего плеча.

Два движения, ровно два, аккуратных и быстрых, как у человека, который поправляет чужой воротник в лифте и тут же отступает. Но пальто было тонкое, и я почувствовала эти движения лопаткой, всем левым боком, до самого локтя, и мне пришлось сделать вид, что я очень внимательно разглядываю витрину аптеки напротив.

— Так, — сказал он, забирая у меня коробку обратно. — Экспертизу я провёл поверхностно. Надо начисто. А ты пока перчатки надень, холодно.

— Лёша.

— Минуту. Это важно. — Он присел под фонарём, поставил коробку на согнутое колено и приподнял крышку с осторожностью сапёра. Заглянул внутрь. Помолчал, выдерживая паузу, явно наслаждаясь ею. — Ярусы на месте. Верхний чуть съехал влево, но это, я бы сказал, авторское решение. Скажешь гостям, что так задумано. Динамика, асимметрия. Архитектурная мысль.

— Я скажу, что меня поймал мужчина, который больше беспокоился о торте. — Ответила я, натягивая перчатки.

— Я беспокоился о репутации торта, — сказал он, опуская крышку и поднимаясь. — Твоя-то в порядке, тебя никто не видел.

Я забрала коробку. На этот раз наши пальцы не столкнулись, он проследил за этим, я заметила, что он проследил, и мне стало смешно и стыдно одновременно.

В детстве мне казалось, что взрослые люди умеют стоять на улице и просто разговаривать. Выяснилось, что нет. Выяснилось, что в тридцать лет ты стоишь на обледеневшем тротуаре возле аптеки и не знаешь, куда деть собственные руки.

— Ты какими судьбами вообще? — спросила я, потому что молчать было опаснее. — Ты же уехал. Насовсем, как я понимаю.

— Насовсем, — кивнул он. — Я в командировке. Объект у вас тут, торговый центр на выезде, который третий год никак не родится. Приехал на неделю, посмотреть, почему он не родится. Посмотрел. Теперь, видимо, на две.

— Строишь?

— Проектирую и ругаюсь. В основном ругаюсь. Проектировать приятнее, но за ругань платят больше. — Он сунул руки в карманы пальто, и я мимоходом отметила, что пальто дорогое, и костюм под ним дорогой, и что ему по-прежнему идут костюмы до неприличия. Он всегда выглядел так, будто классический пиджак придумали лично под его плечи. — А ты? Всё рисуешь?

— Рисую. Сайты.

— Сайты, — повторил он с таким выражением, словно я сказала «гербарии». — Дизайнер интерьеров делает сайты.

— Дизайнер интерьеров делает то, за что платят из дома и без дороги в офис. — Я пожала плечами. — Меня устраивает. Кофе под рукой, кот на коленях, никто не стоит над душой.

— Кот?

— Кота нет, — призналась я. — Кот был для красоты фразы.

Он засмеялся, негромко, себе в воротник, и от этого смеха у меня в груди что-то повернулось, как ключ в старом замке, которым давно не пользовались. Семь лет я живу в доме, где смеются над телевизором. Это другое. Это было адресное.

— Из дома, значит, — сказал он. — И кто ж тебя из дома не выпускает?

— Муж, — сказала я спокойно. — У него сегодня день рождения, я тебе говорила.

— Говорила. — Он помолчал. — И как зовут счастливца?

— Сергей, Виноградов.

Я произнесла это обыденно, как произносят имя человека, с которым делят полку в ванной. И увидела, как Алексей чуть повёл бровью, как он поднял взгляд от коробки и посмотрел на меня внимательнее.

— Виноградов, — повторил он. — Высокий такой? С факультета, через два ряда от меня сидел, староста группы?

— Он самый. — Я улыбнулась. Улыбка вышла нормальная, я проверила изнутри. — Мир тесный.

— Мир — деревня, — сказал он медленно. — Надо же.

И ничего больше не прибавил. Никакого «передавай привет», никакого «вот это да, поздравляю». Он просто перекатился с пятки на носок, глядя куда-то поверх моей головы, на вывеску салона, где уже гасили свет, и молчал ровно на секунду дольше, чем молчат люди, которым просто нечего сказать.

Фонарь гудел. У обочины стояла машина с заведённым двигателем, выхлоп белым столбом поднимался в черноту, и в этом столбе кружились снежинки, мелкие и колючие.

— Слушай, — сказал он наконец, и в голосе снова появилась та самая дерзинка, за которую его когда-то обожал весь поток. — Такие совпадения надо как-то отмечать. Я тебя чуть не уронил, ты чуть не убила торт. Через дорогу кофейня, я проверял, у них есть что-то съедобное и даже стулья. Пятнадцать минут. Или давай просто провожу, раз уж всё равно иду в ту сторону.

— Ты не знаешь, в какую сторону я иду.

— Поэтому и говорю «всё равно», — сказал он.

Он смотрел на меня. Серые глаза при фонаре становились почти светлыми, и взгляд держался на моём лице дольше, чем позволял бы разговор про кофе. Не нагло, нет, ничего оскорбительного в этом взгляде не было, и именно поэтому отвести его было невозможно: он не требовал, он просто не уходил.

Пульс пошёл у меня по шее вверх, ровными толчками, и я с ужасом поняла, что он, наверное, виден.

Я подумала о квартире. О белой кухне, о прозрачном овальном столе, который я два месяца выбирала, о салатах, накрытых плёнкой, о свечках, которые я купила в форме цифр. Подумала о Серёже, который придёт с работы, бросит пальто на стул и скажет: «Лик, ну ты

даёшь», а потом включит телевизор, пока не приехали гости. Подумала, что это нормальная, спокойная, хорошая жизнь, за которую многие отдали бы многое.

И что мне тридцать лет, и я стою на льду, и мне очень, очень хочется выпить кофе.

— Не могу, — сказала я. — Правда не могу. У меня гости к семи, а у меня ещё салат, который без меня не соберётся, и муж, который не умеет резать помидоры.

— Трагедия.

— Ты не представляешь. Он их давит. — Я перехватила коробку поудобнее. — Спасибо, Лёш. За руки и за торт. Я серьёзно.

— За руки отдельное спасибо, они старались.

— Передай им.

— Передам, — сказал он. — Они обрадуются.

Мне надо было уйти. Я уже развернулась вполоборота, уже нащупала подошвой более или менее приличный участок асфальта, уже сказала себе: три шага, и дальше само пойдёт.

— Лика.

Я обернулась. Он стоял под фонарём, снег садился ему на плечи и не таял.

— Город маленький, — сказал он. — Для того, чтобы потерять друг друга из виду дважды, он, честно говоря, мелковат.

Он сказал это легко. Так же легко, как про торт и про сугроб, и если бы кто-то проходил мимо, он услышал бы только вежливую фразу вежливого человека на прощание.

Но я не проходила мимо. Я стояла в двух метрах и слышала всё целиком, и внутри у меня, где-то под рёбрами, отозвалось так громко, что я испугалась, не слышно ли это снаружи.

— До свидания, Лёша, — сказала я.

— До свидания, — ответил он.

И я пошла.

Я шла быстро, насколько позволяли каблуки и наледь, прижав коробку к груди обеими руками, как прижимают ребёнка. Воздух резал ноздри. Я считала шаги и думала о помидорах, и о том, что надо не забыть достать из морозилки лёд, и что свечки лежат в верхнем ящике, под полотенцами.

На углу, у светофора, я обернулась.

Не специально. Просто голова сама повернулась, как будто её кто-то потянул за подбородок, и я увидела его: он всё ещё стоял там, под фонарём, не доставая телефон, не уходя, и смотрел мне вслед. Увидев, что я обернулась, он поднял руку. Не помахал, просто поднял, ладонью вперёд.

Я отвернулась и пошла дальше, и щёки у меня горели так, что снег на них, наверное, растаял бы.

«Ничего не было, — сказала я себе. — Ничего не произошло. Упала, подняли, поговорили. Нормальные взрослые люди».

Дома пахло жареной уткой, которую я оставила томиться на низкой температуре, на вешалке висела Сережина вторая куртка, в раковине стояла кружка, которую он не домыл. Я поставила коробку на прозрачный стол, расстегнула пальто и потом долго стояла на кухне, не включая свет.

Потому что меня трясло. И не от мороза.

Я семь лет считала, что у меня всё хорошо. Я и сейчас так считала. Просто выяснилось, что между «хорошо» и «живо» есть разница, и я о ней, оказывается, помнила.

В замке повернулся ключ.

Глава 2.

Три дня я убеждала себя, что ничего не было.

Это оказалось занятием почти круглосуточным. Утром, пока варился кофе, я думала о торте с дня рождения Сергея, о том, что гости хвалили крем, и о том, как муж, разрезая его, привычно чмокнул меня в висок и сказал "Вкусно, зая!". Вечером, укладываясь спать, я думала о том же самом вечере — но почему-то в памяти упорно всплывал не крем и не поцелуй в висок, а снег, оседавший на чьи-то плечи и не таявший.

Я списывала это на усталость. На то, что праздник отнял силы, а падение на льду отняло их ещё больше. Мне казалось, что если не произносить это имя даже про себя, оно само забудется, как забывается мелодия, которую услышал краем уха в чужой машине.

Мелодия не забывалась.

На третий день я поехала в торговый центр за покупками. Я шла вдоль витрин, прижимая к груди пакет с рулонами крафтовой бумаги, думала о палитре — бежевый, пыльная роза, немного зелени — и ровно в тот момент, когда свернула у фонтана, увидела его.

Он стоял у кофейни, в тёмном пальто, без шарфа, будто холод был ему не писан, и листал что-то в телефоне. Я остановилась так резко, что пакет качнулся и чуть не вывалил содержимое на пол.

«Город маленький», — сказал он мне тогда, под фонарём, и я вдруг подумала, что для города, где я живу семь лет и знаю половину лиц в любой очереди, это уже перебор. Торговый центр один на весь район. Кафе в нём три. И он стоит именно у того, мимо которого я иду каждый раз, когда прихожу сюда за упаковкой.

Слишком удобное совпадение, чтобы быть случайным, подумала я. И тут же одёрнула себя: а что, собственно, он должен был сделать — узнать расписание моих визитов в торговый центр у охраны? Город действительно маленький. Люди в маленьких городах действительно натыкаются друг на друга чаще, чем в больших.

Он поднял глаза от телефона и увидел меня раньше, чем я успела решить, замечать его или сделать вид, что не заметила.

— Какая неожиданная встреча, — сказал он, убирая телефон в карман. — А я думал мне приснилось.

— Снилось наяву, в здравом уме, — сказала я. — Со мной это тоже случается. Обычно после третьей чашки кофе.

— Тогда тебе срочно нужна четвёртая. — Он кивнул на кафе за своей спиной. — Тут неплохо готовят, если забыть, что это торговый центр. Погреться хотя бы. На улице минус пять, а ты без шапки.

Я действительно была без шапки, шапку я не надела, потому что солнце из окна пригревало так, что казалось, что на улице тепло, хотя на деле оказалось гораздо прохладнее. И холодно мне было по-настоящему, щёки у меня наверняка были красные, как у кого-то, кто долго стоял на морозе и теперь притворяется, что причина другая.

«Это просто кафе, — сказала я себе. — Чашка кофе ничего не значит. Это вежливость, а не повод».

— Хорошо, — сказала я. — Только недолго. У меня заказ горит.

— У меня тоже горит, — сказал он, пропуская меня вперёд. — Торговый центр уже почему-то не торговый, а, кажется, уже пятый этаж фуд-корта. Прогресс.

Мы сели за маленький столик у окна, выходящего на парковку, где машины медленно покрывались тонкой изморозью. Он заказал два капучино, не спрашивая, что я пью, и я хотела было уточнить, с чего он взял, что мне нравится именно капучино, но вспомнила, что на той

лавке у университета мы когда-то действительно пили одно и то же, стоя в очереди в единственном на весь корпус автомате.

— Ты до сих пор опаздываешь на всё подряд? — спросил он, когда принесли кофе, и в этом «ты» не было ни капли сомнения, будто мы только вчера расстались после пары, а не виделись через годы.

— С чего ты взял, что я опаздывала?

— С того, что ты единственный человек, которого Валентина Петровна выгоняла с лекции три раза за семестр, а потом всё равно ставила автомат. Говорила, что у тебя, цитирую, «художественная натура, ей простительно».

Я фыркнула в чашку.

— Она меня терпеть не могла.

— Она тебя обожала. Просто у неё была манера показывать это через крики на всю аудиторию.

— Ты всё ещё помнишь, как её звали?

— Валентина Петровна Крутова, читала историю архитектуры, носила один и тот же серый костюм три года подряд и считала, что опоздавшие — это её личное оскорбление.

— Надо же. — Я сама не заметила, как улыбнулась широко, не сдерживаясь. — А я думала, ты всё это время только чертежи помнишь.

— Чертежи я забыл в первую же сессию после защиты диплома. А вот как ты умудрялась спать на задней парте с открытыми глазами — это врезалось.

— Я не спала. Я медитировала.

— Под монотонный голос про ордерную систему? Святая женщина.

Мы смеялись — легко, беспричинно, так, как смеются люди, у которых давно нет секретов друг от друга, хотя секретов у нас было ровно столько, сколько лет прошло с последнего разговора. Я поймала себя на том, что давно так не смеялась — не вежливо, не из приличия, а по-настоящему, до слёз в уголках глаз, и мне стало неловко от этой мысли ровно настолько, насколько приятно было само чувство.

Я опустила взгляд на свою руку, лежавшую на столе рядом с чашкой, и увидела кольцо. Тонкое, с едва заметной гравировкой внутри — Сергей выбирал его сам, без меня, хотел сделать сюрприз. Семь лет на безымянном пальце, за это время я к нему приросла так, что иногда забывала, что оно вообще есть.

Сейчас я его заметила. Как будто оно само напомнило о себе, блеснув под лампой фудкорта.

— Мне, наверное, пора, — сказала я, уже без прежней лёгкости в голосе, отодвигая чашку. — Заказ.

— Да, заказ. — Он тоже это заметил — не кольцо, а перемену, я видела это по тому, как он чуть склонил голову, разглядывая меня, будто пытался понять, что именно переключилось. — Куда тебе ехать?

— На Мира. Это пешком минут пятнадцать, ничего страшного.

— Минус пять на улице, ты без шапки, и у меня машина стоит на парковке. — Он посмотрел на меня чуть дольше, чем позволяли приличия, спокойно, без нажима, но так, что я почувствовала, как у меня где-то под рёбрами снова отозвалось то же самое, что три дня назад под фонарём. — Подвезу. Всё равно по пути, у меня встреча недалеко от твоего дома.

Я знала, что это неправда — или, по крайней мере, не вся правда. Улица Мира была в стороне от делового центра, где обычно назначают встречи по поводу торговых комплексов, и он вряд ли ехал именно туда. Но я вдруг поняла, что мне совершенно не хочется ловить его на этой маленькой лжи.

Я взвесила, стоит ли продолжать это странное, слишком живое знакомство — хотя бы ещё на пятнадцать минут в машине, хотя бы ещё на один разговор о Валентине Петровне и

автоматах с кофе. Взвесила и поняла, что решение уже принято, причём не умом, а тем же местом под рёбрами, которое откликалось третий день подряд.

— Хорошо, — сказала я. — Подвези.

Он улыбнулся так, будто выиграл что-то куда более важное, чем право довезти знакомую замужнюю женщину до дома, и встал, подавая мне пальто.

* * *

В машине пахло чужим.

Я почувствовала это сразу, как только Алексей захлопнул за мной дверь и обошёл капот — что-то древесное и холодное, с горчинкой, совсем не похожее на тёплый пряный одеколон, которым пользовался Сергей уже семь лет подряд, один и тот же флакон, одна и та же марка, я могла бы с закрытыми глазами узнать его в толпе. Этот запах был другим. Чужим в том смысле, в каком бывает чужой чей-то почерк или чья-то привычка держать руль одной рукой — не плохим, просто не моим.

— Пристегнулась? — спросил Алексей, садясь рядом.

— Да.

Я поймала себя на том, что принюхиваюсь, будто пытаюсь понять, чьи это духи, — его, или, может, остались от кого-то, кто ездил здесь до меня, — и тут же разозлилась на себя за эту мысль. Какое мне дело, чем пахнет его машина. Я здесь на пятнадцать минут, до дома, не больше.

— Направо на следующем перекрёстке, — сказала я, глядя в окно.

— Помню, — ответил он. — Я же говорил, мне в ту же сторону.

Я промолчала. Врать он, кажется, не умел убедительно — или просто не особо старался, зная, что я всё равно не стану спорить.

За окном плыл город, припорошенный свежим снегом. Я смотрела на витрины, на прохожих, кутающихся в шарфы, и думала о том, что сегодня приготовить на ужин.

Мы остановились на светофоре у перекрёстка. Красный свет отражался во льду длинными размытыми полосами. Я машинально скользнула взглядом по соседней полосе — и сердце у меня споткнулось.

Серебристая «тойота». Машину я узнала раньше, чем успела осознать, что узнаю её, слишком много раз провожала эту машину взглядом из окна кухни. Сергей.

Я напряглась, наклонилась чуть вперёд, будто это могло помочь разглядеть лучше сквозь два стекла и расстояние в пару метров. За рулём точно был он — тот же профиль, та же манера держать голову чуть набок, когда ждёт зелёного.

А рядом, на пассажирском сиденье, сидела женщина.

Я узнала её не сразу, пару секунд мозг просто отказывался складывать картинку — а потом сложил, и стало холодно внутри, будто кто-то открыл форточку прямо у меня в груди. Влада. С корпоратива в прошлом году, в красном платье, она тогда долго смеялась над шутками Сергея, а я подумала, что он умеет нравиться людям, и была почему-то горда этим.

Сейчас Влада тянулась через консоль к нему, близко, слишком близко для коллеги, которая просто попросила подвезти, — её рука легла ему на плечо, голова чуть склонилась, и на одно короткое мгновение, показавшееся мне бесконечным, стало совершенно ясно, к чему она тянется.

— Лика?

Голос Алексея донёсся будто сквозь вату. Я не ответила — не могла, в горле стоял ком, слишком большой, чтобы протолкнуть через него хоть слово.

Светофор мигнул зелёным. «Тойота» рванула с места резче, чем нужно, будто Сергей тоже что-то почувствовал — не меня, конечно, он даже не посмотрел в нашу сторону, просто поторопился, как торопятся люди, которым некогда и есть куда ехать, — и в следующую секунду машина уже сворачивала направо, туда, куда нам было не нужно.

Я не успела разглядеть, поцеловались они или нет. Может, и не собирались — может, это ничего не значило, может, Влада просто хотела что-то поправить ему на воротнике, просто смахнуть пылинку, просто...

— Поезжай за ними, — сказала я.

Собственный голос показался мне чужим — ровным, слишком ровным для того, что творилось внутри, будто кто-то другой говорил моим ртом, спокойный диспетчер, который берёт управление, пока хозяйка в панике.

Алексей не переспросил. Он бросил на меня один короткий взгляд — я увидела в нём что-то похожее на понимание, быстрое, без лишних вопросов, — и молча повернул руль следом за серебристой «тойотой», которая уже почти скрылась за поворотом.

— Это он, — сказала я, хотя он не спрашивал. — Это машина Сергея.

— Я понял, — ответил Алексей негромко.

Больше он ничего не сказал. Не спросил, уверена ли я, что это хорошая идея, не стал успокаивать заранее, не стал говорить «может быть, тебе показалось» — просто вёл машину, держа дистанцию в два корпуса, аккуратно, будто делал это каждый день, будто ехать с чужой женой следом за её мужем было для него такой же обычной вещью, как заехать за кофе.

Я вцепилась пальцами в ремень безопасности на груди, с силой, до белых костяшек, и смотрела вперёд, на задние фонари машины Сергея, прыгающие на кочках дороги. В висках стучало. Я считала светофоры, повороты, пыталась зацепиться мыслью хоть за что-то, кроме той картинки — рука на плече, склонённая голова, — но мысль соскальзывала обратно, снова и снова, как игла на поцарапанном пластинке.

— Может, это ничего не значит, — сказала я вслух, не замечая, что говорю это не Алексею, а себе. — Может, они просто едут с работы вместе. Машина в сервисе у неё, или... мало ли.

Алексей молчал, глядя на дорогу. Он не стал ни соглашаться, ни возражать, не стал утешать меня дежурными фразами — просто ехал, сосредоточенно, спокойно, и это молчание почему-то было куда убедительнее любых слов. Будто он тоже всё понял, но решил оставить мне право додумать самой, без чужих подсказок.

В машине снова поплыл тот же чужой запах — дерево, холод, что-то совсем не похожее на жизнь, которую я строила семь лет, — и впервые с того момента, как я его почувствовала, мне стало всё равно, чей он. Всё внимание стянулось к одной точке впереди, к удаляющимся красным огонькам, за которыми мы ехали, не произнося больше ни слова.

«Тойота» свернула на Торговую, потом на Привокзальную, и я вдруг поняла, куда именно они едут — там, в конце квартала, стояла гостиница «Урал», куда командировочные заселялись на день-другой, куда иногда заезжали на обед компании с переговорными встречами, где был неплохой ресторан на первом этаже.

Я не сказала этого вслух. Просто вжалась в кресло чуть сильнее и стала смотреть, как медленно, слишком медленно для моего бешено колотящегося сердца, тает расстояние между нами и этим зданием с вывеской на фасаде.

* * *

Гостиница «Урал» вынырнула из-за поворота раньше, чем я успела придумать ещё хоть одно объяснение. Алексей не доехал до самого входа — остановился метрах в тридцати, за припаркованным фургоном с рекламой окон, и заглушил двигатель. В машине сразу стало очень тихо, только тикал остывающий металл где-то под капотом.

«Тойота» Сергея встала у самых дверей, на месте для гостей, будто он делал это не в первый раз. Я смотрела, как муж выходит из машины — неторопливо, поправляя воротник куртки, — и всё ещё цеплялась за последнюю соломинку: может, у них переговоры, может, здесь ресторан, может, Влада просто попросила подвезти её до вокзала, а гостиница по пути.

Соломинка переломилась пополам, когда Сергей обошёл машину спереди и открыл пассажирскую дверь.

Он не открывал мне дверь уже года три. Может, четыре — я честно не помнила, когда в последний раз он делал этот простой жест, который когда-то показался мне таким старомодным и милым. Потом это стало неважно: подумаешь, дверь, у нас взрослые отношения, зачем церемонии. А вот для Влады дверь, оказывается, нашлась.

Она вышла из машины легко, в коротком пальто, тряхнула волосами — тем самым жестом, который я уже видела на корпоративе, — и что-то сказала Сергею, засмеявшись. Он улыбнулся в ответ, той самой улыбкой, которую я считала своей, только своей, домашней. Оказалось, у него этих улыбок хватало на двоих.

А потом он обнял её.

Не торопливо, не воровато, не оглядываясь по сторонам, как положено человеку, который делает что-то запретное. Спокойно, уверенно, одной рукой притянул за талию, другой приподнял её подбородок — и поцеловал. Долго. Так долго, что я успела посчитать в голове: раз, два, три, четыре, — и всё никак не могла остановиться, будто от этого счёта зависело, доживу я до конца поцелуя или нет.

Где-то в затылке, нелепо и не вовремя, всплыла мысль о пироге с вишней, который я испекла сегодня утром. Я ещё подумала тогда, не слишком ли сладко вышло, не положить ли меньше сахара в следующий раз. В следующий раз. Семь лет следующих разов, семь лет пирогов и рубашек, выглаженных с особой складкой, семь лет его дня рождения, который я отмечала как свой собственный праздник, — и всё это сейчас осыпалось внутри меня одним движением, тихо, без грохота, просто осыпалось, как штукатурка с потолка, который давно надо было перекрыть, да всё руки не доходили.

Я не могла отвести взгляд. Даже когда они наконец отстранились друг от друга и пошли к дверям гостиницы, рука Сергея на пояснице Влады, я продолжала смотреть, будто надеялась, что картинка переменится, перемотается назад, покажет мне что-то другое. Стеклянные двери гостиницы закрылись за ними, отражая серое небо, и всё.

Я не заплакала. Не закричала. Просто сидела, глядя на опустевший вход, и чувствовала, как внутри становится очень холодно, будто кто-то открыл форточку в самой середине груди и забыл закрыть.

Пальцы у меня на коленях сжались в кулаки сами собой, сминая ткань пальто. Я даже не заметила этого, пока не почувствовала тепло чужой ладони сверху — большой, тёплой, уверенной руки, которая легла поверх моих сжавшихся пальцев и осталась там.

Алексей не сказал ничего. Не произнёс «мне жаль», не спросил «ты в порядке», не стал бормотать те бессмысленные слова, которые говорят в такие моменты, потому что не знают, что ещё сказать. Он просто держал руку на моих костяшках, не сжимая, не поглаживая, — ровно столько тепла и веса, чтобы напомнить: я здесь, я не ухожу, я не задаю вопросов.

Я смотрела на эту руку — большую, с короткими аккуратными ногтями, с едва заметным шрамом у основания большого пальца, — и почему-то именно эта деталь, этот шрам, вернула меня из той точки, где я зависла, обратно в машину, на холодное сиденье, в сегодняшний день.

— Я испекла пирог, — сказала я вслух, и голос у меня получился ровным, неестественно ровным, будто говорила не я, а кто-то очень уставший, одолживший моё тело на время. — Вишнёвый. Он его любит.

Алексей молчал. Рука его не шевелилась.

Голос мой сорвался и я зажала рот ладонью, той рукой, что осталась свободна, будто могла этим жестом удержать внутри всё, что рвалось наружу. Повернулась к окну — к серому двору гостиницы, к припаркованным машинам, к фургону с рекламой окон, который теперь казался мне самой нелепой вещью на свете, — и почувствовала, как глаза обожгло, а потом по щеке потекло, горячее, непрошеное.

Я не хотела плакать при нём. Виделись дважды, а я уже сижу в его машине и разваливаюсь на куски, как будто имею на это право. Стыдно было до тошноты, но слёзы текли сами, одна

за другой, и я ничего не могла с этим сделать, только вытирала их тыльной стороной ладони, быстро, зло, будто пыталась стереть не слёзы, а саму эту минуту.

Алексей не убрал руку. Не предложил платок, не сказал «не плачь», не попытался меня обнять, подвинуться ближе, сократить расстояние между нашими сиденьями, — он просто остался на месте, его ладонь так и лежала поверх моих сжавшихся в кулак пальцев, тёплая, неподвижная, как единственная устойчивая точка в мире, который только что перевернулся вверх дном.

И как ни странно — именно это молчание, именно эта рука оказались сейчас куда нужнее, чем любые утешения. Будь на его месте Лилия, она бы уже звонила, кричала, собирала вещи, строила план мести. Будь здесь кто-то другой — говорил бы, уговаривал, обещал, что всё наладится. А Алексей просто сидел рядом, не торопя меня ни заговорить, ни замолчать, ни решить прямо сейчас, что делать дальше с обломками семи лет своей жизни.

Я смотрела в окно, на пустой вход гостиницы, за стеклянными дверями которого минуту назад скрылся мой муж с чужой женщиной, и вдруг подумала с каким-то холодным, отстранённым удивлением: как же хорошо, что рядом не пустота. Что в соседнем кресле сидит человек, которому хватило ума не сказать ни единого лишнего слова.

Дворники на лобовом стекле дёрнулись от ветра. Где-то вдалеке хлопнула дверь машины, чьи-то шаги простучали по мёрзлому асфальту. Я сидела неподвижно, чувствуя тепло чужой ладони на своих пальцах, и впервые за эти минуты поняла: обратной дороги в прежнюю жизнь уже не будет. Пирог останется не доеденным, борщ не доваренным, а я — другим человеком, чем час назад, когда садилась в эту машину, веря, что просто еду домой.

Глава 3.

Алексей довёз меня до подъезда и не поехал дальше, остался стоять, пока я не скрылась за дверью, наверное ждал какого-то знака, что со мной всё в порядке. Знака я не дала. Просто вошла, и дверь подъезда захлопнулась за спиной с глухим металлическим стуком, отрезая меня от улицы, от машины, от этого ожидающего взгляда.

В квартире пахло испечённым пирогом, тёплым, сладким, с нотками корицы, и этот запах показался мне чужим, будто принадлежал другой женщине, которая жила здесь ещё вчера утром и верила в простые вещи вроде семейного ужина. Я сняла сапоги, повесила пальто на крючок не глядя — привычным движением, рука сама знала, куда идти, — и застыла в прихожей, глядя на вешалку, где рядом с моим пальто висела куртка Сергея. Ещё вчера я бы поправила ему воротник. Сегодня мне хотелось содрать эту куртку с крючка и затолкать в мусоропровод.

Рука Алексея. Вот что крутилось в голове, пока я стояла посреди своей же прихожей, как гостья, не узнающая дома. Не слова — их не было, — а именно рука, тёплая, тяжёлая, неподвижная поверх моих сжатых пальцев. Как он не торопил меня, не лез утешать, не предлагал решения, за которые потом было бы стыдно обоим. Просто сидел рядом и держал. Три дня знакомства, а я уже помню форму его ладони лучше, чем голос мужа, который сейчас, наверное, допивает вино где-то в номере гостиницы «Урал» с женщиной, которая растоптала наши семь лет брака.

Я прошла на кухню, села за стол и достала телефон. Руки тряслись так, что только с третьей попытки я попала по нужному контакту. «Лиля» — высветилось на экране, фотография подруги, смеющейся на какой-то вечеринке, и от одного вида этого беззаботного лица к горлу снова подступил ком, плотный, душный, будто я проглотила что-то слишком большое.

Гудки тянулись бесконечно, и я уже приготовилась услышать автоответчик, но трубку сняли.

— Лика? Привет. Рада слышать, — голос Лилии звучал бодро.

Я открыла рот и вдруг обнаружила, что голос мой — вот странность — звучит ровно. Ни дрожи, ни слёз, которые недавно текли по щекам в машине у совершенно постороннего, в сущности, человека. Будто все эмоции я уже выплакала там, а дома осталась только пустота, в которой слова выговаривались на удивление чётко, почти по-деловому.

— Сергей изменяет мне, — сказала я. — Я только что видела его с другой женщиной. Они заходили в гостиницу.

На том конце повисла тишина, короткая, но звенящая, такая плотная, что я расслышала, как где-то у Лилии в комнате щёлкнул выключатель.

— Ты уверена? Может, это коллега какая-нибудь, командировка… — начала было Лилия, но я перебила.

— Лиль, они целовались у входа. Я не три секунды смотрела, я видела достаточно.

Снова пауза, уже другая, — я почти слышала, как подруга переваривает сказанное, отбрасывая вежливые сомнения одно за другим.

— Сволочь, — выдохнула она наконец, и в этом слове было столько искренней ярости, что мне стало немного легче, будто кто-то разделил со мной часть тяжести, взял хотя бы горсть из этой ноши. — Надо же, какой гад. А ты всегда говорила, какой он надёжный, какой положительный…

— Я тоже так думала, — ответила я и усмехнулась, криво, одними губами, глядя на своё отражение в тёмном экране духовки напротив.

— Лика, — голос Лилии вдруг стал серьёзным, без тени привычного ехидства. — Что ты собираешься делать?

Я посмотрела в окно кухни — на двор, засыпанный мартовским грязным снегом, на соседний дом, где в окнах уже горел свет, хотя до вечера было ещё далеко. Семь лет я смотрела на этот двор каждое утро, заваривая кофе.

— Не знаю, — честно сказала я. — Собрать вещи и уехать, наверное. Не хочу оставаться здесь ни одного лишнего дня.

— Уехать — куда?

— Не знаю, Лиль, — я потёрла лоб ладонью, вдруг почувствовав, как сильно устала, хотя был ещё только день, а усталость навалилась такая, будто я разгружала вагоны. — Просто подальше.

И тогда Лилия сказала то, чего я от неё не ждала, — без раздумий, без «надо обсудить», без привычной осторожности, с которой она всегда подходила к чужим решениям.

— Приезжай ко мне. Прямо сейчас, завтра, хоть сегодня вечером, если найдёшь билет. Мы поговорим, всё обсудим, что делать, как жить дальше. У меня свободная комната пустует — помнишь, та, с окном на парк? Да и в студии, если вдруг захочешь остаться, есть вакансия. Здесь спокойно разберёшься с чувствами, с мужем. Но оставаться там тебе точно нельзя. Будешь жить у меня, сколько потребуется, хоть год, мне не жалко.

Я молчала, вцепившись пальцами в край стола, чувствуя прохладу стекла под ладонью, и ощущала, как внутри что-то — впервые за весь этот страшный день — начинает расправляться, как будто стиснутая грудная клетка наконец впустила хоть немного воздуха. Не решение всех проблем, не обещание, что станет легче сразу, а просто дверь, которая открылась там, где минуту назад была глухая стена.

— Серьёзно? Ты не знаешь толком, через что я пройду, Лиль. Я тебе обузой стану.

— Лика, ты моя лучшая подруга с первого курса, не говори ерунды, — в голосе прорезалась знакомая строгость, та самая, с которой Лилия командовала на своих объектах. — Собирай чемодан. Билет я тебе сама найду, если надо, деньги скину. Только не вздумай передумать и остаться терпеть этого урода ради каких-то там семейных традиций.

Я выдохнула — медленно, впервые за весь день полной грудью, — и почувствовала, как к глазам снова подступают слёзы, только теперь другие, не от горя, а от того, что где-то в мире ещё остался человек, готовый вот так, без вопросов, распахнуть дверь.

— Спасибо, — сказала я тихо. — Я позвоню, как возьму билет.

Положив трубку, я ещё долго сидела за столом, глядя на остывший пирог под полотенцем.

* * *

Сергей не вернулся вечером. Написал, что задержится на работе, возможно на всю ночь, план горит. Но я-то знала, где у него горит. Я прислушалась к себе, ожидая, что внутри что-то отзовётся — боль, обида, хоть что-то, — но нашла только облегчение, ледяное и чистое, как глоток воды после долгой жажды. Не нужно будет выслушивать оправдания, выяснять отношения. Он сам, своей ночью у Влады, развязал мне руки.

Я взяла билет на поздний рейс. Позвонила Лиле, она сказала, что обязательно встретит.

Чемодан лежал на антресолях, бордовый, с потёртой молнией. Я стащила его вниз, отряхнула от пыли и поставила на кровать, раскрыв настежь, будто это была не вещь, а рана, которую предстояло наполнить.

Собирала я методично, без суеты, как будто делала ремонт, а не прощалась со своей прежней жизнью. Свитера и брюки— в один угол, бельё — в другой, косметичку отдельно, документы сверху. Руки двигались сами, аккуратно сворачивая вещи, и я поймала себя на том, что не плачу. Ни слезинки, только где-то глубоко внутри ровно гудело что-то вроде далёкого двигателя, не дающего остановиться.

Я взяла с полки фотографию в рамке — нашу свадебную, где Сергей смеётся, обнимая меня за талию, а я смотрю куда-то в сторону, чуть прищурившись от солнца. Подержала её несколько секунд, разглядывая себя счастливую, какой была семь лет назад, и пложила обратно

на полку, лицом вниз. Не захотела брать с собой. Пусть остаётся здесь, вместе со всем остальным, что принадлежало этой квартире, этому городу, этой жизни.

На кухне я посмотрела на пирог — вишнёвый, с подрумяненной корочкой. Пекла утром, думая порадовать Сергея, хотела удивить, напомнить, какая я хорошая жена. Теперь он стоял на столе, пропитавшийся запахом корицы и вишни, и я невольно усмехнулась — горько, одним уголком рта, как смеются, когда шутка слишком хороша, чтобы быть смешной.

— Испекла мужу, — сказала я вслух, в пустую кухню, — а оставлю его совести.

Голос прозвучал непривычно спокойно для той, кто прожила с этим человеком семь лет и теперь бежит из собственного дома. Мне не хотелось ни видеть его, ни тем более говорить. Я провела пальцем по краю тарелки, стряхнула невидимую крошку и отошла к столу, где лежал блокнот — тот самый, в клетку, в котором я обычно составляла список покупок. Вырвала чистый лист, и бумага тонко хрустнула, отрываясь по линии сгиба.

Писала коротко. Сначала получилось длинно — хотела объяснить, как узнала, описать гостиницу, Владу, собственный шок, перечислить все семь лет по пунктам, как будто это могло что-то изменить или доказать. Потом зачеркнула всё одним движением ручки и начала заново.

«Я всё знаю. Не ищи меня».

Посмотрела на эти две строчки, короткие и сухие, как выстрел, и подумала, что хочется добавить что-то ещё — то ли упрёк, то ли прощание, то ли просто точку, после которой он мог бы выдохнуть. Рука сама вывела третью фразу: «Будь счастлив». Перечитала всё вместе и почувствовала, как внутри что-то сжалось — не от жалости к себе, а от нежелания оставлять даже намёк на доброе напутствие тому, кто лгал мне в лицо. Я зачеркнула последнюю строчку одним жирным росчерком, оставив только две первые. Пусть думает, что хочет. Я ему больше ничего не должна, даже пожелания счастья.

Сложила листок вдвое и прислонила к тарелке с пирогом, туда, где он точно его увидит, когда вернётся — усталый, довольный, может быть, ещё пахнущий чужими духами. Представила на секунду его лицо в тот момент, когда он прочитает записку, и тут же отогнала эту картину. Неважно. Пусть разбирается сам.

Прежде чем вызвать такси, я прошла по квартире в последний раз — медленно, будто составляла опись имущества перед продажей. Спальня встретила меня светло-бирюзовым покрывалом, которое я выбирала две недели, перебирая образцы тканей, светлым шкафом с зеркальными дверцами, в которых отражался серый мартовский свет из окна. Я помнила, как спорила с продавщицей в мебельном за этот оттенок бирюзы, как Сергей тогда закатил глаза и сказал: «Какая разница, какого цвета подушки, лишь бы спать было удобно», — а я настаивала, потому что для меня разница была огромной. Теперь я стояла посреди этой спальни и понимала, что прощаюсь не с мужем, если честно, а с той Ликой, которая ещё вчера верила, что цвет подушек имеет значение.

На кухне я задержалась дольше всего — у голубого гарнитура, который выбирала, настаивая на светло-голубых фасадах вопреки советам свекрови, уверявшей, что практичнее зелёный. У овального стола с прозрачной столешницей, за которым мы завтракали семь лет подряд, обсуждая планы на день, отпуска, ремонт, детей, которых так и не случилось. У стульев с металлическими спинками — один из них стоял чуть сдвинутым, будто кто-то только что встал и не удосужился задвинуть его обратно. Я поправила стул машинально, по старой привычке хозяйки, и тут же одёрнула себя: какая теперь разница.

Семь лет этой кухни, этого стола, этих стен, выкрашенных мной же в белый цвет три года назад, когда я решила, что пора освежить интерьер. Я смотрела на всё это и ловила себя на странном ощущении — будто прощаюсь не с квартирой, а с версией себя, которая когда-то боялась перемен сильнее, чем предательства. Той Ликой, что терпела, подстраивалась, делала вид, что не замечает, как муж задерживается допоздна, как становится рассеянным, как в послед-

ний год стал чаще пропадать на работе. Той Ликой, которая выбирала цвет подушек и верила, что этого достаточно для счастья.

Я закрыла чемодан, защёлкнула оба замка и поставила его у двери. Надела пальто, обмотала шарф — бирюзовый, в тон спальне, купленный ещё по молодости, — и взяла в руки сумку с документами. У двери на мгновение замерла, оглядывая прихожую: вешалку с курткой Сергея, забытые тапочки, зеркало в тонкой металлической раме, в котором я видела своё отражение каждое утро семь лет подряд. Сейчас я смотрела на себя в последний раз в этой квартире и видела женщину с бледным лицом и глазами, в которых уже не было той растерянности, что была днём.

В кармане пальто завибрировал телефон. Я достала его не сразу, сначала просто почувствовала короткий толчок у бедра, и сердце почему-то дрогнуло быстрее, чем следовало бы для простого сообщения. На экране высветилось имя — Алексей. Мы обменялись телефонами в кафе.

«Как ты?»

Два коротких слова, без восклицательных знаков, без лишних сантиментов, но я смотрела на них дольше, чем следовало бы, стоя в прихожей с чемоданом у ног и сумкой на плече, готовая уже вызвать такси до аэропорта. Вспомнила его руку на своей, вчера в машине, молчание, которое оказалось красноречивее любых слов утешения. Вспомнила, как он не лез с вопросами, просто сидел рядом, пока я смотрела на вход в гостиницу и чувствовала, как рушится мир.

Палец завис над экраном, готовый набрать ответ — хоть что-то, хоть пару слов, — но я вдруг подумала, что не готова объяснять сейчас, куда уезжаю и почему, не готова втягивать его в то, что происходит внутри меня, в этот обвал, который я сама до конца не разобрала. Он уедет обратно в свой город после командировки, у него своя жизнь, а у меня своя — разбитая, которую предстоит собирать заново, без зрителей.

Я убрала телефон в карман, не ответив, и потянула на себя входную дверь. Замок щёлкнул за спиной коротко и сухо, как точка в конце предложения, которое я писала семь лет.

* * *

Такси подъехало быстро, водитель всю дорогу молчал, только изредка поглядывал на меня в зеркало заднего вида — наверное, вид у меня был соответствующий: бледная женщина с чемоданом, который она тащила сама, не дожидаясь, пока кто-то поможет.

Город за окном жил своей жизнью, фонари горели вполнакала, снег на обочинах успел посереть от выхлопов и соли, а стекло машины запотело по краям, размывая очертания домов в мутные жёлтые пятна. Я смотрела на знакомые улицы — вот здесь мы с Сергеем покупали мебель на первую годовщину, вот тут я поскользнулась три дня назад и познакомилась заново с человеком из прошлого.

Телефон всё это время молчал в кармане, и я то и дело чувствовала его вес, как будто он стал тяжелее от невысказанных слов. Наконец, где-то на середине дороги, когда город начал редеть, уступая место пригородным постройкам, я достала его и открыла переписку.

«Как ты?» — всё так же висело там, без ответа.

Я набрала короткое сообщение — просто чтобы он не думал, что я пропала без следа, как будто испарилась после вчерашнего:

«Со мной всё будет хорошо. Спасибо, что был рядом».

Палец завис над кнопкой отправки чуть дольше, чем нужно. Хотелось дописать что-то ещё — куда еду, когда вернусь, вернусь ли вообще, — но я одёрнула себя. Пусть будет так. Коротко и честно, без лишних обязательств ни для него, ни для себя.

Сообщение улетело с лёгким свистящим звуком, и я убрала телефон обратно в карман, пытаясь сосредоточиться на дороге, на мелькающих мимо рекламных щитах, на водителе, кото-

рый включил радио на малой громкости — какая-то старая песня про любовь, которая обязательно случится.

В аэропорту было привычно многолюдно: командировочные с чемоданами на колёсиках, семья с детьми, которые ныли и тянули родителей за рукава, пара влюблённых, обнимавшихся у стойки регистрации так, будто расставались на годы. Подошла моя очередь, я протянула паспорт, сдала чемодан, получила посадочный талон и прошла к месту ожидания, чувствуя себя странно легко — будто вместе с чемоданом сдала в багаж часть себя.

Я проверила телефон. Ничего.

Села в кресло у окна, достала книгу, которую взяла почти машинально, не читая названия, и попыталась сосредоточиться на строчках. Буквы расплывались, не складываясь в слова, и я снова потянулась к телефону — просто чтобы посмотреть на время, уговаривала я себя, хотя часы были и на табло над головой.

Экран светился пусто. Ни одной новой строчки.

«Ну и дура», — подумала я о себе с кривой усмешкой. Муж не вернулся домой, брак трещит по швам, а я сижу тут и жду сообщения от мужчины, с которым выпила всего одну чашку кофе.

Я снова убрала телефон, но через пять минут достала опять. Потом ещё раз, когда объявили начало посадки на соседний рейс. Потом ещё, стоя уже в очереди на посадку.

Молчание.

Я представила, как он сейчас, может быть, едет на встречу, у него дела, обычная жизнь, в которую я, случайная знакомая из прошлого, забежала на три дня коротким всплеском и так же быстро исчезла. Может, он и не думал отвечать сразу, может, вообще не заметил сообщение. Люди же не обязаны сидеть у телефона в ожидании чужих новостей.

В последний раз посмотрела на экран — ничего, — и, не раздумывая больше, зажала кнопку выключения. Телефон вздрогнул, погас и замолчал окончательно, превратившись в кусок пластика и стекла в кармане пальто.

«Вот и всё», — подумала я, проходя через рамку металлоискателя.

Самолёт оказался небольшим, рейс местных авиалиний, из тех, где бортовое питание состоит из пакетика орешков и стаканчика сока. Я устроилась у иллюминатора, пристегнула ремень и прижалась виском к холодному пластику обшивки, чувствуя, как внутри что-то сжимается перед взлётом — не от страха высоты, а от того, что происходило внизу.

Самолёт вырулил на полосу, недолго постоял, будто собираясь с духом, и начал разгон. Земля за окном понеслась быстрее, здания аэропорта смазались в серую полосу, а потом нос задрался, и я почувствовала знакомое ощущение отрыва — лёгкость в животе, будто тебя приподнимают невидимой рукой.

Город уходил вниз и вбок, разворачиваясь передо мной, как макет, сделанный из спичечных коробков и игрушечных деревьев. Я узнавала улицы — вот центральная площадь, вот торговый центр, вот извилистая лента реки, разделяющая город пополам. А вот и наш район: ряды девятиэтажек, похожих друг на друга, как под копирку, и где-то среди них — та самая квартира, которую я обустраивала с такой любовью, так старательно, так наивно веря, что красивый дом удержит мужчину в нём.

Крыши становились всё меньше, город сжимался, превращаясь в серое пятно с редкими светлыми точками фонарей. Я прижалась лбом к стеклу крепче, ощущая его холод сквозь тонкую кожу, и поняла, что больше не могу сдерживаться.

Слёзы потекли сами, без всхлипов, без театральных вздохов — просто покатились по щекам, оставляя мокрые дорожки, которые я даже не пыталась вытереть. Плакала не о Сергее, не о гостинице «Урал» и не о женщине по имени Влада, которую видела мельком в его объятиях. Плакала о семи годах, которые теперь казались вычеркнутыми из жизни одним росчерком памяти, о той девочке, что когда-то верила в вечную любовь, о доме, который больше не

был домом, о городе, который сжимался внизу до размера почтовой марки и вот-вот должен был скрыться за облаками навсегда.

Самолёт вошёл в облачность, и за иллюминатором всё побелело, город исчез окончательно, будто его и не было.

Я вытерла щёки тыльной стороной ладони, вздохнула так глубоко, как не вздыхала, кажется, уже очень давно, и закрыла глаза, откинувшись на спинку кресла. Внутри, под слоем боли зашевелилось что-то совсем другое — не надежда ещё, рано было называть это надеждой, но хотя бы любопытство. Интересно, как там Лилия, как её студия, как город, какая новая жизнь ждёт впереди?

И где-то совсем на краю этих мыслей, куда я старалась не заглядывать слишком пристально, мелькнуло лицо с прищуренными глазами и чуть ироничной усмешкой — человек, которому я оставила только номер телефона, не указав ни города, ни адреса, ни того, что возможно уезжаю навсегда.

Может быть, этого было достаточно. А может, и нет. Но впервые за долгое время я подумала не о том, что теряю, а о том, что где-то там, впереди, в другом городе, подо мной, за облаками, меня ждёт что-то новое, лучшее.

Глава 4.

Квартира на седьмом этаже встретила меня запахом свежей краски и той особенной тишиной, какая бывает в только что отремонтированных помещениях — тишиной без мебели, где каждый шаг отдаётся эхом от голых стен. Я остановилась на пороге гостиной и позволила себе ровно пять секунд удовольствия: вот они, стеллажи из тёмного дуба, которые я отрисовывала три месяца назад на ноутбуке, вот арка между кухней и залом, за которую пришлось повоевать с прорабом, вот тот самый свет из угловых окон, падающий именно так, как я его представляла, — косо, тепло, с длинными тенями от карнизов.

Планшет в руках потяжелел от долгого держания, и я переложила его под мышку, разглаживая юбку свободной рукой. Деловой костюм — серый, строгий, с едва заметной искрой в ткани — сидел на мне так, как год назад я и представить не могла: будто вторая кожа, а не чужая форма, которую надо носить, стиснув зубы.

— Лика! Вы уже здесь, а я боялся опоздать.

Дмитрий Орлов появился из коридора — высокий, с заметной сединой на висках, в рубашке с закатанными рукавами, которая выдавала человека, привыкшего производить впечатление даже в расслабленном виде. Он шёл ко мне с той уверенной лёгкостью, что отличает мужчин, которым никогда не отказывали.

— Дмитрий Андреевич, — кивнула я, протягивая руку для рукопожатия, прежде чем он успел придумать что-то другое.

Он пожал её крепко, чуть дольше положенного, и я мягко высвободила ладонь, сделав вид, что просто хочу открыть планшет.

— Это невероятно, — он обвёл рукой пространство вокруг, поворачиваясь на каблуках, как в замедленной съёмке, любуясь. — Я смотрел визуализации, но вживую — это совсем другое. Вы настоящий талант, Лика. Настоящий.

— Спасибо, рада, что вам нравится, — я открыла планшет и пролистала экраны до чек-листа приёмки. — Мы можем пройтись по пунктам? Хочу убедиться, что всё соответствует проекту до мелочей.

— Конечно, конечно, — он словно не услышал, продолжая разглядывать меня с тем же интересом, с каким только что разглядывал арку. — Знаете, что меня поразило больше всего? Не стеллажи, не свет. А то, как вы угадали, что мне нужно, хотя я сам толком не мог сформулировать. Вы удивительная женщина.

Год назад я бы, наверное, покраснела и смущённо отвела взгляд, пробормотав что-то вроде «ну что вы». Сейчас я почувствовала, как внутри что-то сжалось, тихо и привычно, будто старая мозоль напомнила о себе под новой обувью. Комплимент прозвучал слишком личным для делового разговора, слишком медленным, слишком похожим на разведку территории.

Орлов сделал полшага ближе, и я уловила запах его одеколона — дорогой, терпкий, явно выбранный с расчётом на эффект.

— Если вам когда-нибудь понадобится ещё один объект, — продолжил он, понизив голос, — я был бы рад снова с вами поработать. И не только работать.

Вот оно. Я мысленно хмыкнула — двусмысленные намёки прямо на сдаче объекта, — и отступила на полшага назад, одновременно разворачивая планшет экраном к нему, будто невзначай создавая между нами преграду из стекла и пластика.

— Дмитрий Андреевич, давайте закончим с актом приёмки, — голос мой прозвучал ровно, спокойно, с лёгкой ноткой, которая ясно давала понять: эту дверь я не открою. — У меня ещё два объекта сегодня, время расписано по минутам.

Он на секунду замер, считывая мой тон, затем улыбнулся — не обиженно, скорее с лёгким уважением, как человек, которому привычно получать отказы и который умеет их достойно принимать.

— Разумеется. Профессионализм прежде всего, — он взял у меня планшет, пробежал глазами список, кивая на каждый пункт. — Светильники — да, полки — да, напольное покрытие — именно то, что заказывали. Всё безупречно.

Он расписался в электронном акте пальцем, неловко повозив по экрану, и вернул планшет мне с видом человека, который только что сделал благородный жест.

— Спасибо за работу, Лика. Серьёзно. Я буду рекомендовать вас всем знакомым.

— Буду благодарна, — я улыбнулась ему профессиональной, ровно отмеренной улыбкой, той самой, которую оттачивала весь этот год, стоя перед зеркалом в ванной. — Хорошего вечера.

Я вышла из квартиры, аккуратно прикрыв за собой дверь, и только в лифте позволила себе выдохнуть по-настоящему, прислонившись затылком к зеркальной стенке. В отражении на меня смотрела женщина, которую я узнавала всё ещё не до конца: собранные в низкий пучок волосы, ровная спина, спокойный взгляд синих глаз без того затравленного блеска, что был в них год назад. Та женщина красила кухню в белый цвет, чтобы мужу было приятно завтракать. Эта — только что отшила клиента на полумиллионном объекте, не повысив голоса и не покраснев.

Странно, что похвала до сих пор царапала сильнее, чем откровенный флирт. Флирт я научилась отражать легко, как теннисный мячик — щёлк, и в сторону. А вот «вы удивительная женщина» каждый раз на долю секунды возвращало меня туда, в кухню с голубым гарнитуром, где я так же стояла, выслушивая комплименты, за которыми пряталась ложь.

На улице холодный воздух тут же забрался под пиджак, и я поёжилась, доставая телефон из сумки. Экран показывал два пропущенных от Лилии — по работе, не иначе, она никогда не звонила просто так в середине дня.

Я набрала её номер уже на ходу, пробираясь между припаркованными машинами к своему автомобилю.

— Ну что, сдала Орлова? — голос Лилии ворвался в трубку раньше приветствия, деловой и быстрый, как всегда.

— Сдала. Подписал акт без единой претензии.

— А без единого намёка, конечно, не обошлось?

Я фыркнула, открывая машину пультом.

— Обошлось без фатального исхода. Отбилась планшетом.

Лилия захохотала — коротко, резко, узнаваемо.

— Лика, ты опять одна поехала на приёмку! Я же сто раз говорила: бери с собой Настю или хотя бы меня, чтобы эти орлы клювом не щёлкали.

— Лилия, мне тридцать один, а не семнадцать, я переживу один взгляд дольше положенного.

— Дело не в том, переживёшь ты или нет, а в том, что я хочу, чтобы тебе не приходилось этого переживать вообще, — в её голосе на секунду пробилась настоящая забота, без привычной деловой строгости. — Ладно, об этом потом. Жду в студии.

Я села за руль, бросила планшет на соседнее сиденье и посмотрела на себя в зеркало заднего вида — усталая, но довольная собой.

— Хорошо, — вздохнула я, заводя машину. — Скоро буду.

* * *

Студия встретила меня запахом кофе, как встречала каждый вечер последний год — настолько привычным, что я перестала его замечать. Повсюду, как обычно, царил рабочий беспорядок.

Лилия сидела за своим столом, спиной к двери, и, не оборачиваясь, махнула рукой в сторону кофемашины.

— Налей себе, я занята.

— Спасибо, я тоже рада тебя видеть, — сказала я, бросая сумку на свободный стул.

Я подошла к кофемашине, которую мы купили полгода назад после третьего коллективного скандала из-за растворимого кофе, и нажала кнопку. Машина загудела, захрипела, выплёвывая тёмную струю в чашку.

— Орлов подписал акт, — отчиталась я, не дожидаясь вопроса. — Претензий ноль, доволен как кот. Отчёт скину тебе на почту вечером.

— Угу, — отозвалась Лилия, продолжая стучать по клавиатуре. — А комплименты посчитала?

— Три штуки. Один про квартиру, два — про меня лично. Статистика стабильная, если сравнивать с прошлым объектом.

Лилия наконец развернулась в кресле, и я увидела на её лице то самое выражение, которое всегда предшествовало какой-нибудь неудобной теме, — смесь любопытства и готовности поддеть.

— Знаешь, что мне на днях сказала Настя? — Лилия взяла свою чашку, отпила и прищурилась на меня поверх края. — Что у нас в студии два мифа. Первый — что ты лучший дизайнер фирмы.

— Приятно слышать.

— А второй, — она сделала паузу ровно настолько, чтобы я успела напрячься, — что ты монашка, которая принесла обет, как только шагнула с трапа самолёта в этот город.

Я чуть не поперхнулась кофе.

— Какая прелесть. И откуда такая формулировка?

— От меня, если честно, — Лилия пожала плечами без малейшего раскаяния. — Но согласись, факты говорят сами за себя. Работа, дом, спортзал по вторникам и четвергам, иногда кино со мной. Ты за год ни разу — ни разу, Лика! — не согласилась ни на одно свидание, хотя тебе их предлагали регулярно, я считала.

— Ты считала мои отказы? У тебя завидная статистика.

— У меня хорошая память и много свободного времени между клиентами, — парировала она. — Так вот, если сложить рабочий график, спортзал и редкие вылазки со мной, получается портрет женщины, у которой жизнь насыщенная, но исключительно в одиночку.

Я поставила чашку на стол и позволила себе слабую улыбку, которая должна была выглядеть беззаботно.

— Мне хватает драмы на один развод вперёд, Лиля. Лет на десять, я думаю, нормы хватит с запасом.

— Ты ушла от Сергея год назад.

— Значит, осталось девять лет спокойствия, по моим расчётам.

— Развод он тебе так и дал.

— Развод он мне не даёт из принципа, ты же знаешь.

Лилия фыркнула, но глаза у неё остались серьёзными, той особой серьёзностью, которая появлялась у неё только когда речь заходила обо мне всерьёз.

— Я не предлагаю тебе прыгать в постель к первому встречному. Я предлагаю тебе выйти в свет хотя бы иногда не ради объекта и не ради клиента, а просто потому что ты живая женщина, а не функция по составлению смет.

Я промолчала, отпивая кофе, потому что возразить было нечем. Она была не так уж неправа, и это раздражало больше, чем если бы она ошиблась. Я действительно выстроила свою жизнь по расписанию, в котором не осталось места для случайностей — ни хороших,

ни плохих. Расписание было безопасным. В расписании никто не разбивал тебе сердце между завтраком и обедом.

— Кстати, — Лиля посмотрела на меня и в её взгляде я уловила что-то загадочное. — У меня сегодня встреча с потенциальным клиентом, в новом кафе в центре, на Садовой, открылось недавно. Крупный заказ, реконструкция особняка под гостевой дом, бюджет приличный.

— Тебе нужно, чтобы я подготовила смету?

— Мне нужно, чтобы ты тоже там была и посмотрела на интерьер кафе, — Лилия произнесла это с таким невинным видом, что у меня сразу засвербело подозрение где-то между лопаток. — Второе мнение, сама понимаешь. Вдруг я закажу похожий проект для гостевого дома, хочу понять, насколько это современно смотрится вживую, а не на фотографиях.

— У тебя в портфолио триста реализованных проектов, Лиля. Тебе не нужно моё второе мнение про плитку в кафе.

— Нужно, — отрезала она с той непробиваемой уверенностью, с какой обычно продавливала самые сомнительные свои идеи. — И вообще, там кофе лучше, чем у нас в машине, успокойся уже.

Я посмотрела на неё внимательнее. Что-то в её интонации было слишком лёгким, слишком отрепетированным, будто фраза про «второе мнение» была заготовлена заранее и теперь произносилась с лёгким нажимом, чтобы не дать мне времени задуматься. За годы дружбы я выучила этот тон назубок — он означал одно из двух: либо Лилия затевает что-то про работу, во что мне лучше не лезть, либо затевает что-то совсем не про работу.

— Лиля, у тебя лицо сейчас, как у человека, который прячет за спиной торт с петардами.

— Какое богатое воображение, — она картинно закатила глаза, но уголки губ предательски дрогнули. — Просто будь там. Это явно лучше, чем сидеть дома одной.

Против этого аргумента у меня действительно не нашлось возражений. Вечер дома представлялся мне в подробностях: ужин на одного, сериал, который я смотрела уже третью неделю без особого энтузиазма, и вид из окна на такой же освещённый двор, как вчера. По сравнению с этим даже чужой интерьер в незнакомом кафе казался развлечением.

— Ладно, уговорила, — сказала я, забирая сумку. — Но если это окажется очередная твоя попытка подсунуть мне кого-то за ужином, я обижусь на целую неделю.

— Клянусь тебе всем, что у меня есть святого, — Лилия приложила руку к груди с преувеличенной торжественностью, — это исключительно про интерьер кафе.

Я прищурилась, но решила не продолжать допрос: всё равно правды из неё до вечера было не вытащить. Мы договорились встретиться в семь и Лилия уже развернулась обратно к монитору, разом потеряв ко мне интерес, как это с ней обычно бывало, когда очередной вопрос считался закрытым.

* * *

Дома я простояла перед шкафом минут десять, что для меня самой выглядело смешно — будто я собиралась не на кофе с Лилией, а на свидание. Руки сами тянулись то к серому брючному костюму, строгому, выверенному, в котором я ходила сдавать объекты и в котором чувствовала себя неприступной крепостью, то к тонкому бордовому платью, которое купила месяц назад в порыве непонятно чего и с тех пор ни разу не надела. Платье висело между деловыми рубашками, как случайная гостья, не вписавшаяся в компанию.

— Это просто кофе, — сказала я своему отражению вслух, и отражение посмотрело на меня с откровенным недоверием.

В итоге я остановилась на чём-то среднем: тёмно-зелёный свитер с высоким горлом, узкие брюки, волосы распустила, хотя обычно на встречи с клиентами собирала их в строгий пучок. Накрасила глаза чуть внимательнее, чем для рабочего дня. И тут же одёрнула себя — для кого стараюсь, спрашивается. Для Лилии, которая видела меня во всех состояниях, включая зарёванное в три часа ночи? Или для какого-то мифического клиента с плиткой в кафе?

Я вспомнила себя год назад, когда ходила по дому не накрашенная и в старой футболке, и сравнила с собой сегодняшней. Определённо сегодняшняя я выигрывала. Посмотрела на себя в зеркало и задалась вопросом : нравлюсь ли я себе. Ответ был утвердительным.

Пирог с вишней всплыл в памяти некстати, сам по себе, без приглашения — сладкий запах выпечки, записка, оставленная на кухонном столе без упрёков и драм, просто "Я всё знаю. Не ищи меня.". С тех пор прошёл год, а я так и не узнала, что подумал Сергей, прочитав эту записку. Впрочем, меня это давно не интересовало. Куда больше меня занимало другое: с того самого дня я дала себе слово не ждать. Ни звонков, ни объяснений, ни мужского внимания, которое непременно нужно было бы разгадывать, высматривая в нём скрытый подвох. За год в новом городе находились желающие пригласить меня на ужин, но я вежливо улыбалась и так же вежливо отказывала, не давая себе труда даже проверить, вдруг в этот раз всё иначе. Проще было не рисковать, чем снова собирать осколки.

На улице оказалось свежо, но не холодно — переходное время года, когда куртка нужна больше для вида, чем для тепла. Я шла в сторону кафе пешком, благо до центра было минут пятнадцать, и по дороге замедлила шаг у витрины ювелирного магазина, не столько ради колец на бархатных подушечках, сколько ради собственного отражения в стекле.

Женщина, смотревшая на меня оттуда, показалась почти незнакомой. Уверенная походка, прямая спина, длинные струящиеся волосы ниже плеч шоколадного оттенка с лёгкой чёлкой. Взгляд был другим — не тем робким, извиняющимся, которым я смотрела на мир из тени Сергея, а прямым, спокойным, немного насмешливым. Я не узнавала в этой женщине ту Лику, что год назад тряслась в самолёте, боясь даже самой себе признаться, что совершила самый смелый поступок в жизни.

«Надо же, — подумала я, разглядывая себя, — кто бы сказал мне год назад, что я буду стоять у витрины и любоваться собой, а не сверять макияж с мысленными требованиями мужа».

Телефон вздрогнул в кармане, выдёргивая меня из созерцания. Сообщение от Лилии: «Не опаздывай, тут интересно». Три слова, а подозрение между лопаток снова зачесалось, как будто там завёлся невидимый жучок. «Интересно» в устах Лилии редко означало что-то безобидное — чаще всего это слово предшествовало очередной её затее, в которую она втягивала меня с ловкостью, достойной лучшего применения.

Я набрала было ответ — что-то вроде «Лиля, если там опять твой знакомый с перспективами», — но стёрла, так и не отправив. Зачем нагнетать заранее. В конце концов, это действительно могло быть просто кафе и просто плитка на полу, которую Лилии приспичило оценить вживую. Хотя верилось в это уже не особо.

До места оставалось пройти ещё немного, я заметила новую вывеску — тёплые буквы на стекле, что-то про корицу и утренний кофе, видимо, то самое заведение. Я замедлила шаг у входа, поправила воротник пальто, хотя он и так лежал ровно, и усмехнулась своей привычке — за год я действительно отвыкла волноваться перед такими простыми вещами, как встреча с подругой за чашкой кофе. Раньше, во времена Сергея, я бы накручивала себя часами перед любым выходом в свет, продумывая, как сесть, что сказать, не дай бог опозорить мужа перед его коллегами. Теперь максимум, что меня тревожило, — не опоздать и не упустить момент, когда Лилия откроет карты насчёт своего загадочного клиента..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.